



DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-178
EDN: RRDZAW

МИГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ананьина Д. А.*, Кондакова Н. С.

Забайкальский государственный университет
(672000, Россия, Чита, ул. Бабушкина, 129)

*E-mail: ananina_1989@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Забайкальского государственного университета «Приоритет – 2030. Дальний Восток».

Для цитирования:

Ананьина Д. А., Кондакова Н. С. Миграционные тренды в Забайкалье: ретроспективный анализ // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 165-178. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-179; EDN: RRDZAW

Аннотация. Обширные территории Забайкалья традиционно характеризовались малой плотностью населения. Проблему «опустения» восточного форпоста российского государства пытались решить в разное время и разными способами. Изменение политического режима, влияние социально-экономических факторов способствовали трансформации форм стимулирования миграции из центральных регионов России, однако содержание и логика этого процесса варьировались. В рамках статьи осуществляется попытка осмысления миграционных трендов, свойственных Забайкалью в разные исторические периоды, а именно в имперский (с момента присоединения территорий Восточной Сибири к Российской империи), советский и постсоветский (по настоящее время). Феномен миграции рассматривается, как разнонаправленный процесс притока населения «с Запада», обусловленный, как правило, целенаправленной политикой государства и оттока населения, связанного с добровольной инициативной миграцией жителей, стремящихся покинуть территории Забайкалья ввиду неблагоприятных климатических условий, отдалённости от центра и других причин. Рассмотрены детерминанты миграционных потоков и спектр причин, влияющих на них. Рефлексируется стратегическое значение Забайкалья для российской государственности, трансформирующееся под воздействием смен политических режимов, идеологий, а также мировых глобализационных процессов. Анализируется тенденция, обнаруживаемая на разных этапах исторического процесса, характеризующаяся «разворотом на Восток» внешнеполитического курса российского государства, предполагавшего задействование территорий Забайкалья в международных, экономических, межкультурных процессах, что способствовало интенсификации миграционных потоков. На основании проведённого ретроспективного анализа рассмотрена современная миграционная ситуация в крае, определяющей чертой которой является «хроническая» убыль населения.

Ключевые слова: миграция, Восточная Сибирь, миграционные потоки, политическая депортация, переселенцы.

© Ананьина Д. А., Кондакова Н. С., 2024.

Введение

Территория Забайкалья традиционно является активным актором миграционных процессов, испытывающим на себе воздействие миграционных волн различной направленности и интенсивности. Эти миграционные волны возникали как следствие официального внутреннего и внешнего политического курса и соответствующих приоритетов государства на восточносибирском направлении. Актуальность заявленного исследования определяется концептуализацией многоаспектного феномена миграции в Забайкалье, осмысления ее в ключе миграционных трендов, выступающих в роли маркеров, фиксирующих тенденции, характерные для того или иного исторического этапа. Миграционное перемещение в Забайкалье демонстрирует тесную связь с политикой государства, направленной на освоение этих земель и проведение переселенческих кампаний [1, с. 17].

Помимо стратегии интеграции Забайкалья в общероссийскую систему хозяйствования, немаловажным аспектом оставалось укрепление границ, создание приграничных военизированных частей для отражения возможных угроз со стороны пограничных государств — Китая и Монголии. Эту проблему на первых порах также предполагалось решать посредством миграционного перемещения, причём не только крестьян, но и в немалой степени военных. Необходимость присутствия в регионе этой категории была обусловлена освоением и включением территорий Сибири в экономическую, геополитическую сферы, параллельно с этим осознавалась потребность в укреплении государственной границы. С начала освоения в середине XVII в. и до конца первой четверти XVIII в. военный контингент состоял из нерегулярных формирований сибирских казаков [2, с. 4]. Первое в истории Забайкалья регулярное вооруженное войско было сформировано к 1765 г., оно состояло из якутского полка и было дислоцировано в Селенгинске с целью отражения возможной агрессии со стороны Китая [3, с. 51]. Следующим этапом институционализации

армейских частей на территории Забайкалья стало создание в 1851 г. Забайкальского казачьего войска. В дальнейшем увеличения военного контингента опиралось на закон о всеобщей воинской повинности от 1874 г., который предусматривал призыв мужчин с 20 лет. Таким образом, с конца XIX в. пополнение армейских частей осуществлялось за счёт рекрутирования местного мужского населения. Удалённость от центра, экстремальные климатические условия, наличие на территории горно-рудных разработок создали условия для ссылки преступников. В этой связи Забайкалье рассматривалась ещё и как «исправительная территория», куда стекался неблагонадёжный контингент со всех концов Империи, а позже — и СССР. Современная миграционная повестка в Забайкальском крае в некоторой степени сохраняет черты политики прошлых столетий, однако прирост населения в нынешнее время осуществляется не за счёт переселенцев из центральных регионов страны, а за счёт мигрантов из стран Центральной Азии.

Таким образом, обозначенные аспекты — освоение, ссылки, рассматриваются в работе как миграционные тренды, реализуемые на разных этапах исторического процесса. Каждый из указанных трендов сопровождается соответствующими миграционными волнами. Анализ динамики миграционных процессов в длительной исторической ретроспективе способствует пониманию долгосрочных перспектив при сохраняющихся миграционных трендах, а также построению прогностических моделей изменения миграционной ситуации региона.

Материалы и методы

Материалы исследования составили статистические данные по населению Забайкалья в разные годы, статистике миграционных перемещений, источниковая база которых включает в себя данные переписи населения в Российской империи 1897 г., Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг., данные Росстата по переписям населения, материалы Забайкалкрайстата, отражаю-

щие миграционную ситуацию региона в настоящее время. Были использованы материалы сборника «Вопросы колонизации», привлечён обширный круг опубликованных источников, освещавших процесс освоения, заселения территорий Восточной Сибири и Забайкалья на разных исторических этапах. В рамках статьи осуществлён анализ миграционных процессов на территории Забайкалья, вызванных соответствующей трансформацией общероссийской социально-экономической, политической, идеолого-мировоззренческой, геополитической конъюнктуры.

Феноменологический подход, используемый в работе, позволяет определить сущность миграционных процессов, сопровождавших регион с момента его выделения в качестве государственного территориально-административного образования. Метод тренд-анализа способствует осмыслению ведущих тенденций внешнего миграционного перемещения на территории региона, на основании которых становится возможным его концептуализация и прогнозирование динамики мобильности населения.

Обсуждение

Исторические этапы переселения. Первый из рассмотренных миграционных трендов, охватывает несколько исторических этапов и несколько миграционных волн. Первая миграционная волна, знаменующая собой начало освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока, приходится на вторую половину XVI до конца XVII века. Она обуславливалась исследованием земель, лежащих за Байкалом, открытием Амура и выходом к Тихому океану. Огромный потенциал Восточной Сибири становится объектом активной политики имперских властей. Высказанный М. В. Ломоносовым тезис о том, что «Россия прирастает будет Сибирью» оказался созвучен стратегии освоения этих территорий. С этой целью Указом от 1799 г. было предписано поселить в Забайкалье 10 тыс. человек. Поселенческий контингент предполагалось формировать из отставных сол-

дат, крестьян и преступников. На деле оказалось, что основную массу поселенцев составляли беглые от помещиков крестьяне, которые в поисках свободных хлебопашных земель отправлялись в Сибирь¹. По результатам первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., в Забайкальской области насчитывалось 676407 человек постоянного населения².

Следующим проектом по заселению и закреплению крестьянского населения на восточных рубежах империи стала переселенческая кампания, начавшаяся под эгидой аграрной реформы П. А. Столыпина 1906–1916 годов. Назревшая необходимость реформирования аграрного сектора подразумевала изменение статуса крестьянина. Дефицит земельного фонда в Центральной России, пригодного для сельскохозяйственных нужд, также выступил одним из аргументов к началу переселенческой кампании [4, с. 168]. За период с 1909 по 1914 гг. на образованные переселенческие участки переехала 1251 семья (3213 души мужского пола, или около 6424 человек). К ним надо добавить 1775 человек, водворившихся в эти же годы в старожильческих селах. Общая численность всех переселенцев в Забайкальской области к началу 1915 г., по данным местных отчётов, составляла около 9,5 тыс. человек [5, с. 18].

Миграционная волна, вызванная стихийным переселением крестьян в 1920-е гг., была продиктована неурожаем, голодом, нехваткой земельного фонда в европейской части России. Переселенческая политика, декларируемая государством в этот период, с одной стороны, нашла отражение в интенсификации самовольной миграции крестьян на восток, а с другой — имела эффект обратной миграции переселенцев, не сумевших закрепиться на новых территориях по тем или иным причинам. В ряду этих причин некоторые исследователи называют факт конфронтации вновь прибыв-

¹ Музгин Р. Д. Родная земля – Забайкалье. – Чита, 2003. – С. 17.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под редакцией Н. А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург]: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1899–1905 – С. 3.

шего и старожильческого населения, борьба за наиболее плодородные земельные наделы. В. М. Рынков, В. А. Ильиных, исследуя состояние сельского хозяйства в Сибири в 1914–1924 гг., отмечают интенсификацию миграционного движения в этот период, что было связано с беспрецедентным голодом в Поволжье, от которого в Сибирь бежало 112 тыс. человек. При этом, как отмечают авторы, общее число вынужденных переселенцев было значительно выше. Авторы, ссылаясь на данные Сибревкома, указывают, что в 1921 г. в Сибирь въехало 313,7 тыс. беженцев; в то же время материалы Всесоюзной переписи 1926 г. говорят о 650 тыс. человек, прибывших в 1920–1924 гг. [6, с. 185].

Далее, в довоенные 1930-е гг. к факторам, обуславливающим переселение, добавляется репрессивная политика государства, направленная на борьбу с «частнособственническими инстинктами»; этот период вошёл в историю как «сплошная коллективизация». Под лозунгом ликвидации «кулачества как класса» происходило переселение кулаков, разделённых на три категории согласно степени их «контрреволюционной опасности», с конфискацией их имущества (раскулачиванием), в том числе, на территорию Восточной Сибири и Забайкалья [7, с. 8]. По состоянию на 1932 г. в Восточную Сибирь прибыло 9659 человек [8]. Вместе с тем процесс переселения осуществлялся не только за счёт внешнего притока «спецконтингента», но и за счёт внутреннего перемещения раскулаченных крестьян. Е. Н. Чернолуцкая в этой связи отмечает, что специфика выселения кулацких семейств состояла в том, что она осуществлялась также и внутри региона. Так, из Читинского округа планировалось выселить 855 хозяйств [9, с. 56]. Внутренняя миграция была также идеологически окрашена и преследовала цель ликвидации местной сельской буржуазии как капиталистического пережитка. В 1939 г. Восточная Сибирь приняла 3464 семьи или 18025 человек [10, с. 94]. Таким образом, по результатам Всесоюзной переписи 1939 г., население Забай-

кальской области составляло 1,5 млн человек [11, с. 21].

Во время Великой Отечественной войны переселенческие кампании, по сути, были приостановлены, однако миграция на восток продолжилась, приняв форму эвакуации населения западных регионов страны в тыл. Возобновление сельхозмиграции началось в конце 1940-х годов. В 1950-е гг. контур переселенческой политики государства постепенно трансформируется под влиянием необходимости ускорения темпов индустриализации. Активизации этого процесса способствовала уже сформировавшаяся тенденция к урбанизации и разрастанию сибирских городов, связанная с эвакуированными в военное время производствами, концентрирующими вокруг себя рабочее население. Параллельно с индустриализацией провозглашается кампания по освоению целинных земель Сибири, что подразумевало разворачивание широкомасштабного переселения населения [12, с. 41]. Следует отметить, что моральный подъём после победы в ВОВ, «оттепельная» атмосфера 1950–1960-х гг. явились факторами, благодаря которым планы руководства страны по модернизации всех отраслей народного хозяйства были с энтузиазмом встречены массами. На волне эмоционального подъёма произошла интенсификация миграции, в результате, которой Читинская область приняла 10,5 тыс. семей, а Восточное Забайкалье в целом пополнилось 33,6 тыс. человек [13, с. 222]. Таким образом, численность населения Забайкальской области в 1959 г. составила 1,7 млн человек. Однако, несмотря на существующую тенденцию к перемещению трудовых ресурсов на восток страны, которую определял внутривнутриполитический курс, имел место и отток, вызванный слабой приживаемостью переселенцев ввиду тяжёлых климатических условий [14, с. 30].

Процесс урбанизации 1960-х гг. обозначил изменение структуры миграционного передвижения, превалировать начинают несельскохозяйственные миграции ввиду активного развития промышленного сектора, а, следовательно, и роста доли городского

населения [11, с. 23]. Промышленность требовала всё больше энергоресурсов, назревающий дефицит которых обусловил активную миграционную политику в этот период [15, с. 22]. Данный процесс был свойственен всему периоду до 1980-х годов. В результате промышленных миграций, а также объявленных комсомольскихстроек, население Читинской области увеличилась с 1,053 млн человек в 1961 г. до 1,385 млн в 1989 г. [16]. Этот период знаменовал собой завершение плановых переселенческих кампаний, инициируемых государством с целью хозяйственного (аграрного, а позже промышленного) освоения восточных рубежей страны. С упразднением социалистического строя подобных широкомасштабных акций больше не предпринималось.

Становлением Забайкалья как «режимной территории» — второй тренд, рассматриваемый нами в рамках настоящего исследования. В Забайкалье в течение продолжительного времени ссылали уголовных и политических преступников как в имперское, так и в советское время. Вместе с тем принудительному переселению оказывались подвержены целые народы, воспринимаемые руководством страны как «потенциально опасные элементы», от которых «защищались» территории по причине исходящей от них гипотетической угрозы дестабилизации. Естественно, переселяемые «неблагонадёжные народы» резко отличались от других категорий ссыльных, прежде всего, отсутствием конкретных обвинительных приговоров, вина их состояла в этнической принадлежности. Подобные практики применялись не только в советское, но и в имперское время. Следует все же отметить, что в имперское время под категорию «неблагонадёжных» попадали «неславянские» народы, проживающие в приграничных территориях накануне Первой мировой войны, в советский же период такие высылки приобретают идеологическую окраску и становятся одной из форм борьбы с «внутренним вредителем» [17, с. 9]. И в советский, и в имперский периоды значение ссылки не ограничивалось карательной функцией, она также подразумевала извле-

чение экономической выгоды посредством включения сосланных в развитие местной экономики, а также обеспечивала заселение пустующих пространств Забайкалья.

Говоря об уголовной ссылке, как о практикуемой «Центром» меры по заселению «хронически недонаселённой» территории Восточной Сибири и Забайкалья, здесь трудно выделить миграционные волны, так как подобная мера наказания применялась довольно широко, то и приток осуждённых был относительно стабилен. Начало каторжному переселению в Забайкалье было положено в XVII веке. В.В. Ведерников, исследуя значение Нерчинской каторги, приводит следующие показатели численности ссыльнокаторжных: 1723 г. — 48 человек, 1768 г. — 1064, 1783 г. — 1129, 1800 г. — 1531, 1881 г. — 2120 человек [18, с. 34–36].

Немаловажной представляется категоризация осуждённых, позволяющая оценить состав ссыльных в имперский период. Е.А. Петухов выделяет следующую классификацию: 1) подследственные, 2) срочные осуждённые, 3) ссыльнокаторжные, делившиеся на три разряда и временно-заводских, 4) ссыльнопоселенцы, 5) водворяемо-рабочие, 6) сосланные на жительство, 7) административные (арестанты по распоряжению правительства, по суду и по приговору общества), 8) пересыльные, 9) добровольно следующих (члены семей осуждённых). Автор отмечает, что в данный период пенитенциарная система Забайкальской области принимала до тысячи арестантов в год [19, с. 22]. Оценивая количественные показатели ссыльных по состоянию на 1904 г., А.А. Иванов отмечает, что их число в Забайкальской области составляло 8330 душ обоёго пола [20, с. 196]. При этом автор делает закономерный вывод о непродуктивности «штрафной колонизации», указывая на большое количество издержек, объясняемых спецификой уголовного контингента, со свойственным ему разнообразием форм социальных девиаций.

Наиболее показательными, с точки зрения детерминистских связей между трансформацией как внутри-, так внешнеполитического курса страны и масштабными пере-

селенческими кампаниями определённых социальных категорий, являются так называемые политические ссылки. Самой знаменитой из таковых была ссылка участников восстания декабристов 1825 года. В процессе колонизации Забайкалья декабристы оказали не столько количественное, сколько качественное значение, они способствовали культурному освоению и рефлексии социокультурного пространства Восточной Сибири.

С началом XX в. резко возрастает доля политических ссыльных, количество которых составляло 10% от общей массы осужденных, что связано с социальной напряженностью и всплеском революционной активности в России этого периода [21, с. 71]. Эта тенденция продолжает сохраняться в 1920-х гг., вследствие Гражданской войны, когда объектом репрессий становились члены дореволюционных партий (меньшевики, эсеры, монархисты), остатки белых армий, духовенство, достигая своего апогея в 1930-е гг. во время «большого террора», когда в число «неблагонадёжных лиц» мог быть занесён кто угодно и почти по каким угодно (зачастую надуманным) поводам. По мнению А.К. Соколова, с начала 1930-х гг. на первое место выдвигается не уголовное, а политическое преследование, что свидетельствует об общей политической направленности пенитенциарной политики советского государства³.

После революционных преобразований 1917 г. и провозглашения Советской власти происходит институционализация пенитенциарной системы. Реформированию подлежал не только нормативно-правовой, хозяйственный регламент этих учреждений, предстояло также изменение их идеологического нарратива. Развенчивание карательной функции пенитенциарных учреждений царского периода шло параллельно с утверждением советской системы исправительно-трудовых лагерей с акцентацией на дисциплинарной, воспитательной функциях последних. Предполагалось, что «ненормативное» поведение граждан

подлежит трудовому перевоспитанию [22, с. 33]. Точкой отсчёта в создании системы исправительных учреждений можно считать 1929 г., когда Совет народных комиссаров СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключённых», с созданием сети исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) с целью освоения наименее доступных регионов страны и эксплуатации природных ресурсов [23, с. 102]. Результатом проведённых преобразований стало появление на территории Забайкалья ряда ИТЛ, среди которых следует отметить Балецкий (Балейлаг, Тасеевское строительство), просуществовавший с 1947 по 1953 г., численность которого составила на 01.08.47–2285 человек, на 01.01.48–4142, на 01.01.49–4000, на 10.04.52–2556; на 15.04.53–2679 человек, в том числе 295 женщин, 106 осужденных за контрреволюционные преступления⁴. Борский ИТЛ (Борлаг), просуществовавший с 1949 по 1951 г., численностью на 03.51–2150; на 26.05.51–671 человек⁵. Букачачинский ИТЛ (Букачачлаг), просуществовавший с 1938 по 1942 г., численностью на 01.07.38–2964 человек, на 01.01.39–59453, на 01.01.40–7418; на 01.01.41–7418, на 01.07.41–5755; на 01.04.42–40594 человек. На 01.10.38 из 4164 заключённых – 620 осужденных за контрреволюционные преступления, 1092 – как социально опасные и социально вредные элементы, из них 187 женщин, 721 осужденный за контрреволюционные преступления⁶. Дарасунский ИТЛ, просуществовавший с 1948 по 1953 г.,⁷ Ключевский ИТЛ (Строительство Ключевского комбината, Ключевлаг), просуществовавший с 1947 по 1948 г., численностью на 01.08.47–1455 человек, на 11.11.47–3268 человек⁸. Нерчинский ИТЛ (Нерчинлаг), просуществовавший с 19.03.41 по 28.06.41 г., численностью на 15.06.41–636 человек. Нерчинский

⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – Москва: Звенья, 1998. – С. 158.

⁵ Там же, с. 175.

⁶ Там же, с. 177.

⁷ Там же, с. 211.

⁸ Там же, с. 294.

³ ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – Москва: Политическая энциклопедия, 2008. – С. 19–20.

ИТЛ, просуществовавший с 1950 по 1953 г., численностью на 12.02.53–532 человека⁹. Анализируя приведённые показатели можно отметить увеличение численности заключённых ИТЛ в период с 1937 по 1939 г., что можно объяснить пиком политических репрессий; на протяжении ВОВ с 1941 по 1945 г. также наблюдается высокий показатель численности ИТЛ, свидетельствующий о том, что уголовное и политическое преследование граждан не прекращалось в военное время. Показательно и время окончания существования данных учреждений, к смерти И.В. Сталина в 1953 г. все они были закрыты.

Таким образом, создание и функционирование ИТЛ на протяжении 1930–1950-х гг. в Забайкалье обусловлено, с одной стороны, объявленным курсом руководства страны на повсеместную индустриализацию, а с другой, попыткой с помощью трудотерапии перевоспитать «чуждые и социально опасные элементы» в рамках которой к масштабным стройкам были привлечены заключённые. При этом эффективность в достижении заявленных целей принудительного труда до сих пор вызывает неоднозначные оценки в экспертной среде.

Результаты

Проведённый ретроспективный анализ миграционных трендов в Забайкалье демонстрирует, что попытки освоения этих территорий на протяжении имперского и советского периодов осуществлялись двумя способами — масштабными сельскохозяйственными переселенческими кампаниями, приобретающими на некоторых исторических этапах принудительный характер, и «штрафной колонизацией».

Интенсификация притока аграрных переселенцев в первой четверти XX в. обусловлена субъективными факторами, вызванными такими причинами, как нехватка земельного фонда в европейской части страны, голод в Поволжье в 1920-е гг., что вызвало волну самовольных миграций. К инициированным государством пересе-

леческим кампаниям относятся переселение аграрного населения в период Столыпинской реформы 1906–1916 гг., принудительное переселение раскулаченного населения в 1930-е годы. В 1940–1950-е гг. к традиционной сельскохозяйственной миграции добавляется индустриальная, что связано с расширением эвакуированного в военное время промышленного производства. Со второй половины 1950-х гг. на волне «хрущёвской» либерализации изменяется подход к освоению целинных земель Забайкалья и Восточной Сибири — драйвером массовых миграций становится атмосфера оптимизма, вызвавшая небывалый масштаб добровольных переселений, результатом которой стал рекордный рост численности населения.

Оценивая эффективность переселенческих кампаний и «штрафной колонизации» имперского, а позже советского периодов, очевидно, что освоение Забайкалья и Восточной Сибири в виде создания здесь комфортной среды и социальной инфраструктуры, которые бы выступили условием социально-экономического развития этих территорий в долгосрочной перспективе, не было достигнуто. Более того, положенный в советское время принцип форсированного освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в ущерб развитию социальной сферы во многом лёг в основу сырьевой политики нынешнего времени, результатом которой становится стремительный отток населения в 2000–2010-х годах, продолжающийся до сих пор.

При анализе динамики миграционных процессов в последнее время, отчётливо прослеживается тенденция к стабильному оттоку населения, усиливающаяся в отдельные годы. Фактор, обуславливающий устойчивую, наблюдаемую из года в год убыль, на наш взгляд, связан со спецификой распределения населения по возрастным группам. В период 2001–2022 гг. доля трудоспособного населения в общей численности составляла 56–64%¹⁰. Учитывая, что миграционные намерения доминируют преимуще-

⁹ Там же, с. 330.

¹⁰ Забайкалкрайстат. Распределение населения по возрастным группам. — URL: <https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 04.04.2024).



Рис. 1. Миграционная убыль населения Забайкальского края в 2001–2023 гг., человек

Fig. 1. Migration loss in the population of Trans-Baikal Territory in 2001–2023, persons

Источник: Забайкалкрайстат. Общие итоги миграции населения. — URL: <https://75.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 03.02.2024).

ственно среди людей в молодых трудоспособных возрастах, имеющих финансовую возможность для переезда и перспективы трудоустройства на новом месте, то закономерно предположить, что поток мигрантов из Забайкалья вызван как раз «навесом» трудоспособного населения [24, с. 51]. При этом в ряду причин, выталкивающих людей в миграцию — узкий рынок труда, относительно невысокие зарплаты, дорогое жильё и коммунальные услуги.

Второй фактор вызван скорее внешними причинами, связанными с общей социально-экономической ситуацией в стране и мире. Так, например, мировой экономической кризис 2008 г., сопровождавшийся падением мировых цен на нефть, и, как следствие, ростом инфляции и безработицы в стране, отразился на снижении темпов миграции из Забайкалья, минимальный показатель которой был продемонстрирован в 2009 г. — 2617 человек. Беспрецедентный рост миграционной убыли зафиксирован в 2011 г. (9280 человек), что связано, на наш взгляд, с преодолением последствий кризиса 2008–2009 годов. В этот период, отмечают эксперты, наблюдалось снижение цен на продовольствие, благодаря которому темпы инфляции были минимальными (6,1%) за весь период

2000-х гг. [25, с. 14]. С 2011 г. темпы миграции оставались высокими до 2020 г., за 9 лет среднее значение миграционной убыли составило 7414 человек в год. Резкое снижение миграционного оттока наблюдается в 2020 г. (4090 человек), что связано с пандемией COVID-19, существенно ограничившей мобильность населения, однако уже в 2021 г. количество выбывших из Забайкалья увеличивается на 1400 человек. Очередное снижение миграционного оттока отмечается в 2023 г. — на общем фоне нарастающей неопределённости множатся риски и угрозы, сопровождающие миграцию в европейскую часть России (диверсии, теракты), в связи с чем удалённость Забайкалья в новых условиях воспринимается жителями как преимущество: в массовом сознании нарратив «забытой богом периферии» сменяется более позитивным восприятием Забайкалья в качестве «безопасного региона».

Заключение

Рассмотренные в рамках настоящей статьи миграционные тренды, характеризующие процесс заселения обширных пространств Забайкалья на разных исторических этапах, инициировались государством и имели своей целью сначала освоение,

а позже закрепление на этих территориях постоянного населения. Миграционные волны, результатом которых становилось увеличение численности населения, связаны с целенаправленной, подчас принудительной политикой «Центра», реализуемой посредством переселенческих кампаний и «штрафной колонизаций» в имперский и советский периоды. Стимулом к добровольному перемещению была, как правило, неблагоприятная ситуация в центральных регионах страны, обусловленная разными причинами, например, помещичьим гнётом в XVII–XIX вв., голодом в первой четверти XX века. Позитивным примером добровольной миграции стали «комсомольские стройки» 1950–1960-х гг., которые реализовывались в рамках «ударного развития всех отраслей народного хозяйства». Именно в этот период наблюдался беспрецедентный рост численности населения, составившие рекордные для Забайкалья 1,7 млн человек в 1959 году. В более поздние советские периоды численность населения региона оставалась относительно стабильной, что объясняется наличием промышленных предприятий, обеспечивающих занятость людей, развивающимся жилищным строительством и подобным. При этом равномерное, «однотипное» развитие территорий страны не способствовало возникновению существенных диспропорций, которые появились в период «дикого» капитализма с 1990-х годов. Заложенные в этот период предпосылки к диспропорциональному развитию страны по линии Запад — Восток, во многом определили направление миграционного оттока из Забайкалья двух последних десятилетий.

Начиная с развала СССР в 1991 г. и до настоящего времени численность населения Забайкальского края неуклонно снижалась, достигнув минимального в истории современной России показателя в 2023 г. — 992202 человека¹¹. На сегодняшний день сохраняется тенденция к миграциям коренного населения региона в более бла-

гоприятные с точки зрения социально-экономических и климатических условий части страны. С целью компенсации этого негативного тренда регион пополняется мигрантами из центральноазиатских республик, однако эта мера не способна решить ни проблему снижения численности населения края, ни проблему обеднения человеческого капитала. До сих пор не разработано внятной концепции по сдерживанию год от года увеличивающегося оттока квалифицированных кадров. Внедрение в 2019 г. «Дальневосточной ипотеки» ввиду роста цен на рынке недвижимости и слабых темпов строительства не оказала сдерживающего миграционную убыль населения эффекта. Действующая с 2016 г. программа «Дальневосточный гектар» также не дала значимого результата.

Таким образом, при условии сохранения обозначенного тренда, дальнейшее миграционное движение населения продолжит осуществляться в рамках «центро-периферийной модели», выражающейся в стягивании краевым центром Читой населения из районов, а из краевого центра — в более крупные города и агломерации страны. Промежуточным итогом указанного процесса можно считать полное или частичное исчезновение некоторых населённых пунктов в Забайкалье. Краевой информационный портал «Заб.ру» приводит со ссылкой на региональное Минтруда показатель в 21 населённый пункт, в которых полностью отсутствует население по состоянию на 2021 год¹². Очевидно, что в краткосрочной перспективе переломить этот демографический тренд не представляется возможным, требуется системная, последовательная политика государства, которая не даст быстрых результатов ввиду инерционности процессов, связанных с деградацией и запустением сельских территорий.

Тем не менее, инвестирование в модернизацию социальной инфраструктуры перспективных с точки зрения пространственного развития территорий края может способствовать сдерживанию миграционного

¹¹ Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site.xlsx (дата обращения: 12.12.2023).

¹² В Забайкалье более 20 сёл остались без населения. — URL: <https://zab.ru/news/157232> (дата обращения: 03.02.2024).

оттока. Требуется также модернизация энергетической отрасли, основная проблема которой является энергодефицит, и, как следствие, удорожание энергоресурсов. Энергодефицит негативно отражается как на развитии бизнеса в Забайкалье, делая его нерентабельным, так и на жизни населения в связи с ростом цен на жилищно-коммунальные услуги. Помимо объявленной в 2022 г. газификации края, необходимо внедрять альтернативные источники энергии, в частности, ветровые и солнечные станции, использующие климатические преимущества края (ветер, солнечная погода большую часть года).

Наконец, ведущим фактором сдерживания миграционной убыли населения может стать общее развитие экономики. Ресурсоориентированный подход, доминирующий до настоящего времени, продемонстриро-

вал свою ограниченность и не решает задач развития Забайкалья в долгосрочной перспективе. В этой связи, необходима целенаправленная политика федеральных и региональных властей по диверсификации экономики, усложнению цепочек добавленной стоимости, развитию не только добывающих, но и обрабатывающих отраслей промышленности, привлечению большего числа эффективного менеджмента в стратегические отрасли хозяйства. Новый подход к пересмотру места, которое занимают восточные окраины страны в ценностной системе координат государства, предполагает преодоление «колониального» взгляда на Сибирь и Дальний Восток, сформировавшегося с XVII в., и требует переориентации на долгосрочное планирование развития региона в будущем.

Литература и Интернет-источники

1. **Воробьева, О. Д.** Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-информ, 2016. — 192 с. EDN: LOFEOR
2. **Дмитриев, А. В.** Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / А. В. Дмитриев. — Новосибирск, 2018. — 42 с.
3. **Дмитриев, А. В.** Реорганизация частей русской регулярной армии в Забайкалье в первой половине 1760-х гг. / А. В. Дмитриев // Вестник Томского гос. ун-та. История. — 2018. — № 51. — С. 37–44. DOI: 10.17223/19988613/51/5; EDN: YULXPG
4. **Шевченко, В. Н.** К вопросу о переселенческой политике на первом этапе столыпинской аграрной реформы (1906–1910 гг.) / В. Н. Шевченко // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2017. — № 2. — С. 162–171. EDN: ZSMWTD
5. **Павлова, В. С.** Переселение крестьян в Забайкальскую область: автореф. ... дис. канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / В. С. Павлова. — Улан-Удэ, 2009. — 24 с.
6. **Рынков, В. М.** Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильиных. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2013. — 244 с. EDN: TGJWBR
7. **Ивницкий, Н. А.** Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) / Н. А. Ивницкий. — Москва: Ин-т российской истории РАН, Университет Торонто (Канада). 2000. — 350 с.
8. **Земсков, В. Н.** «Кулацкая ссылка» в 30-е годы / В. Н. Земсков. — Москва: Социологические исследования. — 1991. — № 10. — С. 3–21.
9. **Чернолуцкая, Е. Н.** Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. / Е. Н. Чернолуцкая. — Владивосток : Дальнаука, 2011. — 512 с. EDN: QPUNEV
10. **Алёкминская, Г. М.** Сельскохозяйственные переселения в Восточное Забайкалье в 1930-х гг. / Г. М. Алёкминская // Гысырлар авазы — эхо веков. — 2015. — № 3/4. — С. 94–99. EDN: WDJZPF
11. **Бутухеев, В. А.** Индустриальное развитие Забайкалья (1960–1991 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / В. А. Бутухеев. — Улан-Удэ, 2008. — 27 с.
12. **Занданова, Л. В.** Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов. / Л. В. Занданова // Известия ИрГУ. — 2007. — № 1. — С. 27–45. EDN: MSTBRR

13. **Занданова, Л. В.** Реализация планов развития сельского хозяйства Сибири и переселенческое движение во второй половине 1950-х гг. / Л. В. Занданова. — Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2019. — № 1. — С. 217–232. EDN: RUXUGT
14. **Славина, Л. Н.** Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / Л. Н. Славина. — Новосибирск, 2010. — 46 с.
15. **Крушанова, Л. А.** Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / Л. А. Крушанова. — Владивосток, 2007. — 28 с.
16. **Королёва, Т. М.** Демографические процессы в Восточной Сибири в период 1960 г.-1980-х гг. / Т. М. Королёва // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2015. — № 2. — С. 95–110. EDN: UBRZHI
17. **Бахтурина, А. Ю.** Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из Прибалтийских губерний в 1914 г. / А. Ю. Бахтурина // Новый исторический вестник. — 2020. — № 3(65). — С. 6–23. EDN: YKMMJP
18. **Ведерников, В. В.** Нерчинская уголовная каторга в системе серебряноцинкового производства Восточного Забайкалья (XVIII–XIX вв.) / В. В. Ведерникова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2011. — № 2(50). — С. 32–38. EDN: NYIQQH
19. **Петухов, Е. А.** История пенитенциарной системы Забайкальской области: 80-е годы XIX в. — февраль 1917 года.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / Е. А. Петухов. — Улан-Удэ, 2004. — 32 с.
20. Сибирская ссылка: Сборник статей / отв. ред. А. А. Иванов. — Иркутск : Отгиск, 2011. — 720 с. EDN: RUUNLX
21. **Иванов, А. А.** «Дайте мне волю — я научу вас свободу любить»: политические ссылки в Сибири в 1914–1917 гг. / А. А. Иванов, П. А. Новиков // Известия Лаборатории древних технологий. — 2014. — № 1(10). — С. 69–84. EDN: VRBZKF
22. **Федосеев, В. И.** Становление советской пенитенциарной системы: о некоторых аспектах правового регулирования (1917–1934 гг.) / В. И. Федосеев // Вестник Самарского юридического института. — 2012. — № 1. — С. 33–39. EDN: QCFVDH
23. **Хилл, Ф.** Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. Пер. с англ. / Ф. Хилл, К. Гэдди. — Москва : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. — 328 с.
24. **Карачурина, Л.** Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности / Л. Карачурина, Н. Мкртчян // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 47–65. EDN: YNVXQH
25. **Райская, Н.** Экономическое развитие России в 2011–2013 гг. / Н. Райская, Я. Сергиенко, А. Френкель // Вестник Института экономики РАН. — 2012. — № 6. — С. 7–18. EDN: PLQZJN

Сведения об авторах:

Ананьина Дарья Александровна, к.филос.н., доцент кафедры социальной работы, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия.

Контактная информация: e-mail: ananina_1989@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3509-7036; РИНЦ AuthorID: 1007800.

Кондакова Наталья Сергеевна, к.филос.н., доцент кафедры философии, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия.

Контактная информация: e-mail: ntlz@list.ru; РИНЦ AuthorID: 662930.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-178

MIGRATION TRENDS IN TRANSBAIKALIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Darya A. Ananina*, Natalia S. Kondakova

Transbaikal State University
(129 Babushkina street, Chita, Russia, 672000)

*E-mail: ananina_1989@mail.ru

Funding:

The study was carried out with the support of the program for development of the Transbaikal State University «Priority – 2030. Far East».

For citation:

Ananina D. A., Kondakova N. S. Migration trends in Transbaikalia: a retrospective analysis. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 165-178. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-178 (in Russ.)

Abstract. *The vast territories of Transbaikalia have been traditionally characterized by a low population density. More than one generation of rulers tried to solve the problem of depopulation of the eastern outpost of the Russian state at different times and in different ways. The change in the political regime, the influence of socio-economic factors in different periods contributed to transformation of the forms of stimulating migration from the central regions of Russia, however, the content and logic of this process varied in line with the stabilization of the demographic situation on the eastern borders of the country. Within the framework of the article, an attempt is made to comprehend the migration trends characteristic of Transbaikalia in different historical periods, namely, in the imperial (from the annexation of the territories of Eastern Siberia to the Russian Empire), Soviet and post-Soviet (up to the present). The determinants of migration flows, the range of reasons for them are considered. There is reflected the strategic importance of Transbaikalia for the Russian statehood, which is transformed over time under the influence of changes in political regimes, ideological superstructures, as well as world integration and globalization processes. The authors analyze the trend, found at different stages of the historical process, characterized by a «turn to the East» of the foreign policy of the Russian state, providing for involvement of the territories of Transbaikalia in international economic, intercultural processes, that contributed to intensification of the migration flows.*

Keywords: migration, Eastern Siberia, migratory flows, political deportation, resettlers.

References and Internet sources

1. Vorobyova O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. Moscow. Ekon-inform. 2016. 192 p. (in Russ.)
2. Dmitriev A. V. Russkaya reguljarnaya armiya v Sibiri (1725–1796 gg.) [The Russian Regular Army in Siberia (1725–1796)]. Author's abstract. of Cand. diss. Novosibirsk. 2018. 42 p. (in Russ.)
3. Dmitriev A. V. Reorganizatsiya chastej russkoj reguljarnoj armii v Zabaykal'ye v pervoy polovine 1760-kh gg [The reorganization of Russian regular army troops in Transbaikalia in the 1st half of the 1760s]. Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya [Tomsk State University Journal. History]. 2018. No. 51. P. 37–44. (in Russ.)
4. Shevchenko V. N. K voprosu o pereselencheskoj politike na pervom etape stolypinskoj agrarnoj reformy (1906–1910 gg.) [To the question of resettlement policy at the first stage of Stolypin agrarian reform (1906–1910)]. Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal [The Social and Economic and Humanitarian Magazine]. 2017. No. 2. P. 162–171. (in Russ.)

5. Pavlova V. S. Pereseleniye krest'yan v Zabaykal'skuyu oblast' [*Resettlement of Peasants to the Trans-Baikal Region*]. Author's abstract of Cand. diss. Ulan-Ude. 2009. 24 p. (in Russ.)
6. Rynkov V. M., Ilyinykh V. A. Desyatiletie potryaseniya: sel'skoye khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg [*A Decade of Upheavals: Agriculture in Siberia in 1914–1924*]. Novosibirsk. Institut istorii SO RAN [Institute of History of the Siberian Branch RAS]. 2013. 244 p. (in Russ.)
7. Ivnitky N. A. Repressivnaya politika sovetской vlasti v derevne (1928–1933 gg.) [*The Repressive Policy of the Soviet Government in the Countryside (1928–1933)*]. In: Rossiyskoy istorii RAN, Universitet Toronto (Kanada) [Institute of Russian History RAS, University of Toronto (Canada)]. Moscow. 2000. 350 p. (in Russ.)
8. Zemskov V. N. «Kulatskaya ssylka» v 30-ye gody [«Kulak deportation» in the 30s]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 1991. No. 10. P. 3–21. (in Russ.)
9. Chernolutskaya E. N. Prinuditel'nyye migratsii na sovetском Dal'nem Vostoke v 1920–1950-ye gg [*Forced migrations in the Soviet Far East in the 1920s–1950s*]. Vladivostok. 2011. 512 p. (in Russ.)
10. Alyokminskaya G. M. Sel'skokhozyaystvennyye pereseleniya v Vostochnoye Zabaykal'ye v 1930-kh gg [*Agricultural resettlements to East Transbaikalia in the 1930s*]. Gysyrlar avazy — ekho vekov [*Ghysyrlar Avaza — Echo of Centuries*]. 2015. No. 3/4. P. 94–99. (in Russ.)
11. Butukheev V. A. Industrial'noye razvitiye Zabaykal'ya (1960–1991 gg.) [*Industrial Development of Transbaikalia (1960–1991)*]. Author's abstract of Cand. diss. Ulan-Ude. 2008. 27 p. (in Russ.)
12. Zandanova L. V. Osnovnyye etapy skladyvaniya sovetской pereselencheskoy politiki i formirovaniya perselencheskikh organov [The main stages of the formation of the Soviet resettlement policy and the formation of resettlement bodies]. Izvestiya IrGU [*The Bulletin of Irkutsk State University*]. 2007. No. 1. P. 27–45. (in Russ.)
13. Zandanova L. V. Realizatsiya planov razvitiya sel'skogo khozyaystva Sibiri i pereselencheskoye dvizheniye vo vtoroy polovine 1950-kh gg [The implementation of Siberian agricultural development plans and resettlement movement in the second half of the 1950s]. Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal [*Social and Economic and Humanitarian Magazine*]. 2019. No. 1. P. 217–232. (in Russ.)
14. Slavina L. N. Sel'skoye naseleniye Vostochnoy Sibiri (1960–1980-ye gg.) [*Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)*]. Author's abstract of Cand. diss. Novosibirsk, 2010. 46 p. (in Russ.)
15. Krushanova L. A. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 1945–1960-ye gody [*The State Migration Policy of the USSR in the Far East in the 1945–1960s*]. Author's abstract of Cand. diss. Vladivostok. 2007. 28 p. (in Russ.)
16. Koroleva T. M. Demograficheskiye protsessy v Vostochnoy Sibiri v period 1960 g.–1980-kh gg [Demographic processes in Eastern Siberia in the period 1960–1980s]. Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk [*Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*]. 2015. No. 2. P. 95–110. (in Russ.)
17. Bakhturina A. Yu. Vyseleniye poddannykh Germanii i Avstro-Vengrii iz Pribaltiyskikh guberniy v 1914 g. [The eviction of German and Austro-Hungarian subjects from the Baltic provinces of the Russian Empire in 1914]. Novyy istoricheskiy vestnik [*New Historical Bulletin*]. 2020. No. 3(65). P. 6–23. (in Russ.)
18. Vedernikov V. V. Nerchinskaya ugolovnaya katorga v sisteme serebrosvintsovogo proizvodstva Vostochnogo Zabaykal'ya (18–19 vv.) [The Nerchinsk criminal penal servitude in the system of silver and lead production of Eastern Transbaikalia (18th–19th centuries)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [*Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*]. 2011. No. 2(50). P. 32–38. (in Russ.)
19. Petukhov E. A. Istoriya penitentsiarnoy sistemy Zabaykal'skoy oblasti: 80-ye gody 19 v. — fevral' 1917 goda. [*History of the Penitentiary System of the Trans-Baikal Region: the 80s of the 19th Century — February 1917*]. Author's abstract of Cand. diss. Ulan-Ude. 2004. 32 p. (in Russ.)
20. Sibirskaya ssylka [*Siberian Exile*]. Ed. A. A. Ivanov. Irkutsk. Ottisk [Print]. 2011. 720 p. (in Russ.)
21. Ivanov A. A., Novikov P. A. «Dayte mne volyu — ya nauchu vas svobodu lyubit'»: politicheskiye ssyl'nyye v Sibiri v 1914–1917 gg [«If you give me a will I teach you how to love freedom»: political

- exiles in Siberia in 1914–1917]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*. 2014. No. 1(10). P. 69–84. (in Russ.)
22. Fedoseev V. I. Stanovleniye sovetskoy penitentsiarnoy sistemy: o nekotorykh aspektakh pravovogo regulirovaniya (1917–1934 gg.) [The formation of the Soviet penitentiary system: on some aspects of legal regulation (1917–1934)]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]*. 2012. No. 1. P. 33–39. (in Russ.)
 23. Hill F., Gaddy K. Sibirskoe breyma: proshchety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii. [Siberian Burden: Miscalculations of Soviet Planning and the Future of Russia. Russian translation of Hill F., Gaddy K. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*]. Scientific and Educational Forum on International Relations. Moscow. 2007. 328 p. (in Russ.)
 24. Karachurina L., Mkrtychyan N. Mezhregional'naya migratsiya v Rossii: vozrastnyye osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 47–65. (in Russ.)
 25. Raiskaya N., Sergienko Ya., Frenkel A. Ekonomicheskoye razvitiye Rossii v 2011–2013 gg [Economic development of Russia in 2011–2013]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*. 2012. No. 6. P. 7–18. (in Russ.)

Information about the authors:

Ananina Darya Alexandrovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Contact information: e-mail: ananina_1989@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3509-7036; Elibrary AuthorID: 1007800.

Kondakova Natalia Sergeevna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Contact information: e-mail: ntlz@list.ru; ORCID: 0000-0002-7477-2279; Elibrary AuthorID: 662930.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.